

ИВАН ЗАДОРЖНЮК

От (гражданского) форума к (народному) фронту

Политическая эволюция «нулевых»
глазами ведущего аналитика

Д. Фурман. Публицистика «нулевых».
Пре-дисл. П. Палажченко.
М., «Летний сад», 2011.512 с.

Первая посмертно вышедшая книга Д. Е. Фурмана продемонстрировала, что потеряла после его ухода отечественная политическая аналитика: уровень ее понизился едва ли не на полголовы. Почему так, и почему опирающийся на глубокие исторические обобщения, а также на убеждающие социологические и психологические наблюдения политический анализ был присущ только этому мыслителю? Ответ на этот вопрос мы и попытаемся дать в настоящей статье.

Книга состоит из 68 статей, появившихся в изданиях в основном либеральной направленности. Две из них датируются 2001 годом, восемь - 2002-м, три - 2003-м, шесть - 2004-м, девять - 2005-м, одиннадцать (наибольшее число!) — 2006-м, шесть - 2007-м, девять — 2008-м, шесть — 2009-м и пять — 2010 годом. Наконец, на текущий год приходится три статьи. При этом ощущения калейдоскопичности или даже мозаичности не возникает: книга буквально «прошита» жизненно важными идеями и характеризуется четким видением вектора перемен в направлении того, что автор именует «реальной демократией» - в противовес «демократии имитационной» (это инкорпорированное им в политический анализ понятие — некий смысловой ключ ко всему содержанию книги, которым мало кто может пользоваться столь же эффективно). Если временной диапазон статей — десятилетие «нулевых», то

пространственные координаты заданы пределами СНГ, страны которого до сих пор представляют собой некое единство, несмотря на острые (вплоть до кровавых столкновений) конфликты между ними и внутри них.

Естественно, в центре авторского поля зрения находится Россия - Россия после ухода с поста президента Б. Ельцина. По меткому выражению Л. Толстого (столь удачно подхваченному В. Лениным), в ней все опять перевернулось и снова укладывается. Остается добавить, что перманентность этих «переворачивания» и «укладывания» четко схвачена в поэтической метафоре Н. Коржавина:

Сторона моя родная Вот
уже который год
Расцветает, расцветает -И
никак не расцветет.

В числе этих так и не распустившихся «цветов» - незрелые политические партии и квазигражданские структуры, название двух из которых и вынесено в заглавие статьи.

Во второй статье книги - «Распад публичной политики» (конец 2001 года) — Фурманом упоминается «Гражданский форум» (аналогичная по названию организация выступила ключевым фактором перемены политического ландшафта в Чехословакии в конце 1980-х годов), знаменующий первую попытку некой кодификации всех, проправительственных и

оппозиционных, движений с целью «упорядочивания» сферы публичной политики. Предполагались и прошли в его рамках встречи представителей некоммерческих организаций с руководителями государства; собирался подобный форум и при новом президенте в 2008-м. А в конце 2010 года название приватизировали классические правозащитники, перематрировав его следующим образом: Гражданский форум России — ЕС. Но где он сейчас, этот Форум для внутреннего употребления?

2011 год ознаменовался созданием Народного фронта — организации с мобилизующим и ко многому обязывающим названием. Хотя в поле зрения Фурмана она не попала, нечто подобное он предвидел, отмечая в одной из последних статей («Предстоящий выбор России» (февраль 2011-го)): «Шансов на то, что Путин и его приверженцы решат, что хватит либеральничать и что стране при Медведеве грозит страшная перспектива возвращения в политику ужасных Немцовых, заставят психологически зависимого от своего собрата по тандему президента освободить место, и мы продолжим движение к катастрофе, довольно много» (С. 496). Сказано — как отрезано, и за чертой отреза четко видно слово «фронт». И сегодня мощно ощущается отсутствие меткого фурмановского взгляда на этого знакомого «незнакомца», вызывающего ассоциации с лозунгами типа «Все на борьбу с Деникиным [перерождением, недородом и т. д.]!», взгляда не ернического, а глубоко мудрого и горестного — каков был присущ, пожалуй, лишь ушедшему от нас Фурману. (Заметим, что слова «мы» и «наш» звучат в текстах Фурмана мощно и искренне (см. С. 396 и др.), а призывы типа «сваливать» надо (см. С. 403) вызывают у него то, что можно назвать гражданским протестом.)

Именно такого рода внешне направленная форма мобилизации (если есть «фронт» — значит, есть и задача преодоления удерживающих позиции «врагов») и должна была возникнуть по логике фурмановского анализа. Но обусловленные этим фактом проблемы, по этой же логике, обнаруживаются тогда, когда за-

нятую позицию приходится удерживать любой ценой. Или не любой? И подобного рода сомнения — также в рамках логики Фурмана-аналитика.

Внешне парадоксальный итог Гражданского форума - оформление не столько мертво-, сколько, по слову Фурмана, *старчески* рожденной «Единой России» (см. С. 39) - Десять лет спустя не осталось даже воспоминаний об означенном «Форуме». Между тем в мае 2011 года появился Народный фронт; почему-то аллюзий на то, что его появление знаменует собой очередное «переворачивание» и «укладывание» (пора-де прекращать обсуждать, надо наступать), у организаторов не возникло.

На наш взгляд, десятилетие «нулевых» и являет собой эту не столь уж конструктивную в плане реальной демократии дистанцию — как раз в то время, когда имитационная ее форма изживает себя (так и напрашивается: «изживает, изживает — и никак не изживет»). О неотвратимости подобного изживания и появления реальной демократии Фурман напоминает постоянно, не исключая необходимости подвижек революционного характера в ходе этого процесса. «Демократия — норма нашего времени и "энтелехия" современных недемократических стран. И то, что России предстоит в относительно обозримом будущем еще одна попытка перехода к реальной демократии (будет она связана с деятельностью Медведева или произойдет как-то иначе), мне представляется неоспоримым. И есть много оснований надеяться на ее успех. Задачи, которые встанут перед обществом, будут легче — СССР и социалистической экономики уже нет. В какой-то мере мы, несомненно, уже сейчас более подготовлены к демократии, чем в 1991 году. Поэтому я не думаю, что опасность, происходящая от революционного нетерпения, на этот раз будет так уж велика. Но все же она возникнет. И более того — исходя из всего нашего опыта можно сказать, что в этом и будет главная опасность» (С. 481). Нельзя не отметить мудрую осторожность этого вывода и одновременно прогноза.

При всем многообразии книги Фурмана по меньшей мере три из них — сквозные, на взгляд рецензента (конечно, другие могут отыскать иные темы — и по количеству, и по масштабности). Это темы: состояние демократии с принципиально новым и прекрасно обоснованным концептом «имитационная демократия»; В. Путин и феномен преемничества; Украина и противоречивая, но опережающая по сравнению с Россией динамика ее политического развития. Они внутренне увязаны: демократические преобразования в России (где Путин выступает ключевым фактором как в лучшем, так и в худшем качестве, причем часто явно подсознательно) происходят с оглядкой на Украину — о которой чаще, правда, злословят, которую «догоняют» по темпам политического развития как бы невольно, но опыт которой осмысливают неполно. Она в чем-то занимает лидерские позиции, по крайней мере, в ней парламент — очевидное и вполне логичное место для дискуссий. СМИ там более самостоятельны. Главное же — президенты на Украине меняются по выбору народа, а не через преемничество, даже если это и происходит с большими издержками. Полноценное внимание к этому крупнейшему европейскому государству (второму по территории после России, а по уменьшающемуся населению — седьмому) всегда находится в поле зрения Фурмана как политического аналитика, равно как и другие государства — республики бывшего СССР.

Когда-то журнал «Дружба народов» писал, что Фурман является неким аналогом Института СНГ в одном лице. На выходе его поисков в этом направлении не только авторские труды и коллективные монографии, но и сценарные прогнозы масштабного характера. Пожалуй, на фоне попыток телеполитико-аналитиков, а также довольно хилых структур, изучающих ближайших соседей, это утверждение не утратило своей убедительности. Ведь, к их и нашему несчастью, высшим признаком компетентности сегодня часто выступает пребывание в рядах собственно политиков или на услужении у бизнеса. Мож-

но даже сказать, что близость к власти и большим деньгам при этом выступает как их *differentia specified* (некое видовое отличие). При этом забывается, что отмеченная близость и независимость анализа — это *contradictio in adjecto* (противоречие в определении). Стремление же проникнуть в суть вещей порой трактуется некоторыми телеполитико-аналитиками вообще как признак непрофессионализма.

Отношения с Украиной выступают в фурмановском анализе ключевым фактором, поскольку

—во-первых, это крупнейшее европейское государство, имеющее самую большую протяженность границ с Западом, на втором месте — протяженность границ с Россией; и входит нашему Отечеству в Европу придется по преимуществу через эти границы, даже если весь российский газ пойдет по Северному и Южному потокам;

—во-вторых, Украиной сделаны опережающие по сравнению с Россией шаги в политическом развитии, в частности здесь отсутствует институт преемничества;

—и в-третьих, необходимо экономически продуктивное сожительство между нашими странами-соседами, особенно когда экономика более крупной из них перестанет быть сырьевой — дело в принципе неотвратимое.

Все это требует, как говорится, и внутриполитического реформатирования: платить «за неправильный» выбор президента в обеих крупнейших частях нашего бывшего отечества при этом будут не российские или зарубежные политтехнологи, а сами избиратели. Отсюда и описанные в ряде статей Фурмана (в числе которых «Кучме достался не тот народ», «От Переяславской Рады к конфликту из-за Тузлы», «Ющенко должен благодарить Лужкова»; в целом же тема Украины упоминается постоянно на всем пространстве книги) невроты на уровне уже не только Ю. Лужкова, но и В. Путина (больная совесть мучает — живем мы лучше (богаче в экономическом смысле), но и хуже (в политическом плане)). При этом ясно, что логика «чем хуже — тем лучше» имеет для политиков и

по ту и по другую сторону границы узкий временной диапазон; кроме того, она чревата и избыточной революционностью. Пугали в свое время Балтию. А что получилось?.. Кроме известного: он пугает, а мне не страшно, накапливается и экономическая деструктивность.

Это в еще большей степени относится к отношениям с Украиной. Их потенциал так и не начал разворачиваться в полной мере, и этому мешали (внутриполитические реверсы с обеих сторон. Невротическая реакция Путина на Украину, по логике Фурмана, вызвана тем, что там нет института преемничества. В Белоруссии - потому что в этой находящейся в центре европейского континента стране президент А. Лукашенко считает себя вечным (ерничанья по этому поводу в книге нет — как по поводу и всех других президентов стран СНГ, но неизбежность смены режима постулируется). (Рецензенту остается добавить от себя очевидное: около четверти века в этой стране люди жили не надрывнее, а умирали спокойнее именно при «последнем диктаторе», чем в той же России — пусть на весах истории будет учтен и этот неопровержимый факт!) На Украине же — потому что здесь отсутствие института преемничества стало прочным фактом, а драки в парламенте — свидетельством серьезного противостояния политических сил.

Каковы бы ни были сбои в политической эволюции соседнего государства, они демонстрируют, насколько труден путь к реальной демократии, включая преодоление барьера демократии имитационной. Обосновывая это понятие, «Википедия» указывает, что его ввел израильский историк Я. Талмон еще в 1952 году. Все же толкование им данного понятия как «управляемой» и даже почему-то «тоталитарной» демократии достаточно далеко отстоит от куда более релевантных трактовок Фурмана — обоснованный им концепт вводится из, так сказать, лучше и полнее узнаваемых ситуаций. Ибо если для Талиона такая демократия — сплошной обман, то для Фурмана она (например, присущие ее идеологам декларации о правительстве

народа) - некая стадия достижения реальной демократии, включающая моменты непросто преодолеваемого самообмана (и правительства, и народа).

И все же это обман с коротким дыханием — доказательства этому приводятся Фурманом очень убедительные. Действительно, если очень уж настойчиво апологетизируется форма, то рано или поздно возникает запрос и на наполнение ее содержанием, и в первую очередь - скучными реалиями и рутинно-благотворными процедурами собственно демократического характера. (Для уяснения сути этого процесса припоминается одна притча. Сомневающийся монах пришел к наставнику с жалобой, что молитвы не трогают его сердца. Ответ был таков: молись чаще по форме, а там и сердце наполнится подлинными глубинами.)

В целом при изучении проблемы генезиса демократии Фурман не ограничивается политологическим анализом. Он наполняет его глубокой исторической подосновой, меткими психолого-политическими наблюдениями, а также своеобразной гносеологией, когда познание политической реальности соотносится с реалиями общественной и даже простонародной жизни. Так, умело используемая метафора коммунальной кухни (см, например, С. 252) дает не меньший познавательный эффект, чем многие политико-аналитические схемы и модели.

Относительно концепта имитационной демократии он высказывает наиболее важные и глубокие мысли. Дело в том, что демократия в принципе не может быть, по мысли Фурмана, имитационной; развиваясь по собственным законам, рано или поздно она сбросит этот панцирь. К этому побуждает само обращение к ценностям демократии: даже будучи декларативным, оно предполагает продуктивное внимание к вопросам процедурного характера.

Перед сообществом политических аналитиков постоянно стоит задача, как трактовать результаты выборов: как доказательство релевантности основных выводов Фурмана или их опровержения?

EX LIBRIS

Каковы бы ни были оценки, в системе координат политической аналитики Фурмана нельзя отыскать неких парадигм окончательности. Он скорее смотрит на ростки демократии, которые необходимо возвращать; а вытоптать их невозможно в принципе. Хотя среди этих ростков попадаются и сорняки — саркастические оценки ряда демократов ельцинского призыва в этом плане очень точны. И все же безальтернативность вектора продвижения к демократии доказана им с полной определенностью. Время от времени, указывает он, возникает новый веер возможностей — и с имитационной демократии очередной раз отваливается шелуха, а необходимость и продуктивность демократии реальной принимается все с меньшим числом ограничителей.

Статья «Последняя модернизация» амбивалентна по самому своему названию. Надо сказать, что трудность наполнения понятия «модернизация» реальным и продуктивно ориентированным содержанием признается все в большей мере. Старые механизмы регуляции, даже обильно смазанные нефтью, работать уже не способны. Технологические прорывы при засилье бюрократии осуществляются с трудом. Средний класс имеет некие пределы роста: их трудно вычислить количественно, но на уровне качественного суждения понятно, что захваченное бюрократией включает и долю благосостояния среднего класса, ибо национальное богатство — не каша, беспрерывно вытекающая из чудесного горшка, а некий достаточно четко фиксируемый объем благ. Новое же поколение, уверившееся в законах цивилизованного рынка, да еще проверяющее их действенность через Интернет, готовит в этом плане свои требования.

Вопреки всему, книга наполнена историческим оптимизмом. В чем его исток? Думается, в глубоком проникновении в законы исторического развития, подкрепленном богатейшей эрудицией и тем,

что можно назвать аналитической дерзостью. В этом плане хотелось бы привести пример из научного наследия видного русско-украинского представителя социальной мысли XIX века М. Драгоманова*. Он проследил и сопоставил ряд общеевропейских процессов, выявив некую закономерность их ускоренного развития.

Вот одно из таких сопоставлений: Франция выделилась из Каролингского конгломерата в 843 году, а Владимирско-Суздальское княжество из Старорусской системы — в 1243 году. Разница — около 400 лет. Генеральные штаты сформировались во Франции в 1302 году, а первый Земский собор в Московском государстве — в 1550 году. Разница — 248 лет. Последний созыв Генеральных штатов — 1614 год, а последний Земский собор — 1698 год. Разница 84 года. Попытка созыва Генеральных штатов, ограничивающих абсолютизм, — 1649 год; попытка ограничения самодержавия Анны Иоанновны — 1730 год. Разница — 79 лет.

Данные сопоставления возможны и между Россией и Германией, Россией и Англией, да что там говорить — с самой Америкой! И надо при этом не забывать: крепостное право отменили в России — в 1861 году, а рабство негров в Америке — только в 1863-м. Один из главных уроков из публицистики Фурмана — доказательство того, насколько сложен наш мир и насколько ответственны в нем действия политиков. Конечно, все остальные миры также сложны; и американским политологам, по всей видимости, столь же трудно ответить на вопрос, в чем смысл двух сроков Дж. Буша: историческая необходимость и неизбежность — или же нелегитимизированность политического процесса по-американски?

Фурман осуществлял завет Спинозы: не плакать, не смеяться, а понимать, дистанцируясь при этом от множества телеполитико-аналитиков (так и хочется сказать относительно некоторых из них:

* См., например: М. П. Драгоманов. Собрание политических сочинений. Т. 2. Париж, 1906. С. 236. См. также: Э. Г. Лаврик. И. Е. Задорожнюк. Централизм, самоуправление и региональная идентичность славянства. Наследие М. П. Драгоманова. - «Свободная мысль». 2007. № 1.

EX LIBRIS

телеанаболиков), смеющихся и плачущих не только громко, а обязательно крикливо. Спокойный голос необходим и потому, что над страной сгущаются тучи «застоя», она поражается неким диссипативным (рассеянным) Чернобылем. Его проявления налицо. Это лесные пожары 2010 года, которые, как по команде, остановились возле границ «авторитарной» Белоруссии и демократической Финляндии. Это и беспрерывные катастрофы - в разных местах и на различных видах транспорта. Это также рост эмиграции — ничего «удивительного»: вслед за «утекшим» капиталом устремляются и люди. Все эти и некоторые другие процессы трудно остановимы, более того, они почти необъяснимы. Важно отметить лишь, что ненадежность всего продуцирует безнадежность для всех.

Остается одно: следуя г-ну Полтавченко, экс-главе Центрального федерального округа, а ныне — градоначальнику Петербурга, ...открывать школьные уроки пением гимна. Все это порождает некие апокалиптические настроения. (Следует заметить, что открывающая книгу статья Фурмана носит название «Наперегонки с апокалипсисом», в то время как последние — «Перестроивший себя и мир» и «Политический святой», дают убедительные портреты людей, способных на принципиально антиапокалиптические действия, — М. Горбачева и А. Сахарова.)

Последние внутривнутриполитические события по-новому обостряют интерес к субъективному социолого-политолого-психолого-идеологическому портрету Путина — такого, каким обрисовал его Фурман. Важным при этом выступает анализ объективного механизма преемничества (с сентября 2011 года можно говорить об автопреемничестве). Оставим подробный анализ этой ключевой фигуры, как оказывается, не только «нулевых» за пределами данного изложения, ограничившись крайне метким наблюдением Фурмана. Его смысл сводится к тому, что все мы — «немного Путины»: и смелые политики, и спокойные обыватели, и рыцари идей (ничем не остановимых преобразований), и но-

сители чувств (по преимуществу стабильности), и прошлые назначенцы (люди с далеко не безупречной репутацией), и будущие соискатели мест у руля управления (даже носящие сегодня «белые одежды»). «Наша политическая система и наша политическая культура не только предполагают наличие общества, неспособного к самоорганизации, покорного своим правителям и любящего их (пока они правители, пока есть страх перед ними), но и способствуют воспроизводству такого общества. Они и самих правителей хватают мертвой хваткой. Они действительно делают из них "рабов на галерах". Рабы могут даже мечтать уйти с галер, но уйти не могут. Вне галер жизни для них уже нет. И галера без рабов не может. Галеру без привязанных к ней рабов придется перестраивать в совсем другой корабль» (С. 465). Мудрее и горестнее не скажешь...

Увы, прогноз Фурмана, данный в 2010 году («в 2012 году все решат два человека и нас спрашивать не будут» (С. 477)), скорее всего оправдается. Действительно, на (Народном) фронте не до разговоров, как и в (Государственной) Думе — не до дискуссий... Остается добавить, что прогноз и в микроразмере (объявление имени кандидата на президентские выборы) оправдался не далее как в сентябре 2011 года — на съезде партии «Единая Россия» за кандидатуру В. В. Путина проголосовали все, кроме одного... Опять реализуется далеко не лучший сценарий (возможность чего предусмотрена Фурманом в статье «Плохой сценарий»), а имитационная демократия запускает очередной цикл движения по кругу?

Однако, как говорится, страшен сон, да милостив Бог... Появится (и уже появилось) много новых факторов, которые обеспечат большую уверенность и проверенность реальных, а не имитационных, политических процедур «при следующей попытке перехода к демократии» (С. 508). Эти заключительные слова одной из последних работ Фурмана внушают не только надежду — они мобилизуют, прежде всего, российское общество, которое не прекратило своего развития.